

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ послѣдней главы Евгенія Онѣгина, романна въ стихахъ, сочиненнаго А. С. Пушкинъмъ (*).

На синихъ изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно плаетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремимъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужь угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправлѣнныи чудакъ.
Идетъ, на мертвѣца похожий.
Нѣть ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу; дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Чѣмъ его
Съ такою силой поражаешь?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ, неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кѣмъ нѣмыхъ ея спраданій!
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежніей Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ-бѣ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчила,
И на Онѣгина глядила
Безъ удивленія, безъ гиѣва...
Его болѣй, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятию всѣ. Проспала дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежніихъ днѣй,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И не сводя съ него очей
Опять жадныхъ устъ не опымааетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходиша долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
Довольно; вспомнишь. Я должна

(*) Продается въ С. Петербургѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по пяти рублей экземпляръ. За пересыпку въ другіе города прилагается 80 копѣекъ.

Вамъ объяснишься откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тошь часъ,
Когда въ саду, въ аллее настъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что-же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой опѣвѣть? одну сuroвость.
Не правда-ль? Вамъ была не довольна
Смиренной девочки любовь?
И нынче — Боже! — спышетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эпту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тошь спрашнай часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали опять суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась... Чѣмъ нынѣ
Меня преслѣдуєте вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣти?
Не потомуль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являюсь я должна,
Что я богата и знамна,
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Что милосрдивъ за то къ намъ Дворъ?
Не потомуль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ общество пронести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знаете: колкость вашей брани,
Холодный, спрятой разговоръ,
Когда-бѣ въ моей лишь было власини,
Я предпочла-бѣ обидной спраски
И эпимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалостъ,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малосрѣдъ!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

А мнѣ, Онѣгинъ, пышностъ эта
Поспѣлой жизни миштура;
Мои успѣхи въ выхрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сей часъ отдать я рада
Всю эту вѣпошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикий садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и лѣни вѣтвей
Надъ бѣдной янею моей...

XLVII.

А щастіе было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ решена. Неоспорожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинил
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честъ.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгений,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!

ШАРАДА.

Мое начальное на глазъ весьма похоже,
Глядишь и пучится на васъ;
Однако же не глазъ;
Оно хоящну алмазовъ всѣхъ дороже.
Мой слогъ второй
Счишають смертные всѣхъ бѣдъ своихъ виной,
Хоть онъ не виноватъ ни сколько:
Извольте слушать только.

Онъ невиновенъ, что Глупцовъ
Несчастливо играетъ,
Въ томъ, что Хлыстовъ
Свои творенія шугонько съ рукъ сбываются.
А цѣлое мое въ шеренгѣ задней ходить,
Качается въ трубѣ, потомъ на столѣ исходитъ,
И шамъ свой гробъ и торжество находить.

Въ № 31, помѣщенная шарада звучитъ: *Mou-lin.*

КРИТИКА.

Дочь купца Жолобова. Романъ, издавленный изъ Иркутскихъ преданій. Соч. И. Калашникова. Четыре части. С. Петербургъ.
1831.

Сочинитель говорилъ въ предисловіи: «издавая сей романъ, я имѣлъ въ виду познакомить читателей съ краемъ, который отличаясь богатствомъ произведеній и разнообразіемъ природы и жителей, до сего времени все еще составляєтъ страну малоизвѣстную, почти баснословную. Цѣль изобразить отдаленную, обширную Сибирь не въ сухихъ, обнаженныхъ статистическихъ описаніяхъ, но въ живой, привлекательной картины романа, счастливо достигнута Г. Калашниковымъ, кото-рый за трудъ свой застуживаетъ благодарность не только Русскихъ, но и другихъ Европейцевъ. Въ семъ отношении книга его стоитъ гораздо выше пѣхъ произведеній, въ которыхъ подъ формою такъ называемаго романа, не заключается никакой основной мысли, способной привлечь вниманіе читателя, больше другихъ наблюдательного. Если при извѣщеніи о новой книгѣ нужно находить ей параллель между извѣстными произведеніями словесности, то романъ Г. Калашникова, какъ справедливо было сказано въ одномъ періодическомъ изданіи, ближе всего подходитъ къ сочиненіямъ Американца *Купера*, у котораго изображеніе гражданскаго состоянія его опечества, нравовъ, домашняго быта его согражданъ, подчиняется себѣ происшествія, служащія ему только для украшенія картины. Такъ и у Русскаго Автора. Дядькупца Жолобова, хотя девушка заниматель-